

[ЛИСТУВАННЯ М. І. МУРАШКА І П. Д. МАРТИНОВИЧА]

[Лист № 1 П. Мартиновича до М. Мурашка. Чернетка. (Константиноград, 25 жовтня 1890 року. Є втрати правого поля паперової основи з літерами)]

25 Октября
1890 года
[нерозбірливо]

Многоуважаемый
Николай Иванович!

Подательница этого письма, моя мама, даст Вам эти двадцать пять рублей, которые я у Вас просил в 1848 году в Ген[ва]ре, когда я был в Киеве. Спа[сибо] Вам; Вы меня этим сильн[о] выручили. Возвращаю Вам эти деньги с величайшею благодарностью, душевною благодарностью за помощь.

Теперь же я прошу Вас, будьте добры, дайте моей маме те два моих этюда, которые я оставил тогда в Рисовальной школе, а моя мама даст их мне. Те два этюда я дал тогда без подрамников. Теперь они наклеены на холст и натянуты на подрамник – значит на них были издержки, и нужно возвратит более, чем двадцать пять рублей. То, что было на них издержано, Вы скажите моей Маме, и она заплатит то. Этюды обделаны и в рамки. Если рамки не дорогие и стоимость их обеих вместе не превышает пяти рублей, то прошу Вас дать этюды с рамами моей маме, и она даст Вам тридцать рублей, а если рамы стоят дороже, то тогда дайте этюды без рам, а моя мама даст Вам двадцать пять рублей с прибавлением того, что нужно за подрамки и наклейку на холст!

Хотелось бы с рамами иметь их, если рамы не дорогие.

Теперь сообщу и другую мою просьбу относительно тех шести рисунков, которые я подарил для Школы в 1877 году [в оригіналі перекреслено. – О. С.]. Я думаю собрать свои рисунки для того, чтоб впоследствии удобнее издать их. Бу[дь]те добры, прошу Вас, не откажите в моей просьбе возвратит те рисунки. Я слыша[л], что Вы говорили: для того, что[бы] получить их обратно, нужно просить об этом у того начальства, от которого зависит то, чтобы получить их. Это будет для меня очень затруднительно: я не знаю, куда и как, кого об этом просить. Может сдаться, что не получу их, потому что или не так напишу, как нужно, или не у того попрошу, у кого нужно.

Я думаю, что главнее всего для меня просить Вас, так как я Вам их дал. И думаю, что от Вас очень много зависит в этом случае, если не все.

Остаюсь искренно уважающий

Вас

Порфирий Мартинович

[Лист № 2 П. Мартиновича до М. Мурашка. Чернетка. (Константиноград, 1 листопада 1892 року) ¹]

1 Ноября
1892 года
[нерозбірливо]

Дорогой Николай Иванович!

Обращаюсь к Вам с просьбою: прошу о том, о чем просил в позапрошлом году: возвратите мне мои этюды и рисунки, которые я подарил для школы. В позапрошлом году была надобность моей матери поехать в Киев. Я написал письмо и просил передать

APXIB

Вам, так как я нынешнего (?) адреса Рисовальной школы не знаю. Хотя письмо дошло бы к Вам, если бы я и просто адресовал его в Рисовальную школу, но я счел за самое лучшее, если бы моя мать привезла мне мои работы. Когда возвратилась моя мать из Киева, она не привезла мне моих этюдов; сказала, что Вы их не дали и даже усомнились, я ли писал это письмо. Я стал печалиться, получивши такой ответ. Как же мне быть, если и письму моему не верят. Если бы удобно было, Николай Иванович, приехать мне самому в Киев, так я давно бы приехал и не просил бы мою мать передать Вам письмо.

Я помню Ваше доброе отношение ко мне, пока был проездом в Киеве. Нужно было мне свидетельство о болезни представить в Академию, Вы хлопотали о том, чтоб достать его, свое дело оставили да пошли со мною к доктору просить его, чтобы он написал свидетельство – он и написал. Двадцать пять рублей нужно было, – вы мне их дали и сказали: «Оце наошкрибав то там, то там».

Мне самому в данное время нельзя приехать в Киев. Мне много трудов и здесь дома такого рода, что не удобно оставить их, на этот раз я прошу сестру мою вручить Вам письмо. И прошу ее дать те деньги, двадцать пять рублей, которые я взял у Вас. Я Вам благодарен. Рад и тому, что хоть более чем 13 лет желаю с удовольствием[м] отдать их. Сестре же моей, прошу Вас, дайте мои этюды и рисунки. Скоро приедет моя мать в Киев, которую я прошу, чтоб она привезла их мне.

Чтоб получить обратно рисунки, Вы говорили, что нужно о том написать прошение (не знаю куда), так как те рисунки внесены в опись имущества Рисовальной школы. Вот тут бы я просил Вашего совета, как это сделать. Мне это очень неудобно, живя здесь дома, не знаю, куда обратиться и как. А я так думаю: нельзя ли написать прошение куда нужно и сказать так вроде того, что рисунки были даны только во временное пользование и по ошибке были внесены в список имущества. А Вас прошу дать мне мои рисунки, так как все таки отказать же не должны они возвратить их.

Если бы для школы просил у меня другой кто либо, а не Николай Иванович Мурашко, то я ни за что не дал бы их. Еще прежде чем Вас увидеть, я от Селезнева² и Кушнера, Ваших бывших учеников, слышал о Вас. Литография Ваша Шевченка портрет (литография учеников Вашей работы) и другие узнал я, что это именно Вы делали и другие с записанным Вашими малороссийские рассказы. Еще до знакомства с Вами слышать доброе слово есть высшее для меня удовольствие [нерозбірливо]. Вы можете отдать их и без особых объяснений. Куда идут объяснения по поводу вещей школы.

Я соскучился за теми рисунками, хотя они и слабые, но разлука с ними печалит меня. Я когда давал их, или не предвидел этого, или сам теперь не могу сказать. Когда за чемнибудь печалишься, то не знаешь, что и сказать про то, очень печалишься.

Прошу Вас, составьте прошение, я не знаю, куда обращаться и как, пришлите его мне по почте, я его подпишу и пришлю Вам для того, чтобы послать его же куда нужно. А если бы без прошения, это еще бы лучше; как бы Вы меня освободили!

Остаюсь искренно уважающий Вас

Порфирий Мартинович.

Адрес мой:

В г. Константиноград

(Полтавской Губернии)

Порфирию Денисовичу

Мартиновичу.

На конверте надпись: / Его Высокородию / Николаю Ивановичу / Мурашко / (от Порфирия Мартиновича)

[ЛИСТУВАННЯ М. І. МУРАШКА І П. Д. МАРТИНОВИЧА]

[Лист № 3 П. Мартиновича до М. Мурашка. Чернетка.
(Константиноград, 30 травня 1893 року)]

30 Мая 1893 г.
Воскресение
Г. Константиноград

Дорогой Николай Иванович!

Я-бы послал Вам это письмо по почте, но сейчас не имею Вашего адреса под руками. Моя мать Аграфена Кирилловна Мартинович в настоящее время в Киеве. Я просил ее побывать у Вас и отдать те деньги, которые я занимал у Вас, и просил передать Вам на словах мою просьбу возвратить мои рисунки и этюды, которые Вы, спасибо Вам великое, и обещали возвратить, и также два этюда мои.

Вчера получил от моей мамы письмо, пишет, что Вы работ моих не отдаете потому, что я нахожусь в больнице. Меня печаливает и то, что Вы работ не отдаете, и то, что Вы говорите, что я нахожусь в больнице. Мои товарищи и знакомые объясняют мое отсутствие тем, что я болел. Действительно лет около десяти тому назад я был болен, а теперь, спасибо Богу Милосердному, я за эти десять лет ни разу даже и самую легкую какую либо болезнью не был болен; да, впрочем [нерозбірливо] была позапрошлый год, дня три проболел. А тут читаю, пишет мама, что я болен и что больного человека капризам потворствовать нельзя. Ну что мне делать? Отнесите хоть скольконибудь благосклонно к моему положению. Я и теперь приписываю только лишь очень хорошему отношению Вашему ко мне то, что Вы не хотите отдать моих работ никому больше, как только мне лично, но я никого лучше не знаю, чтобы доверить мою просьбу, как мою мать.

Мне и самому жалко, что я беспокою Вас своею просьбою. У Вас и так хлопоты и заботы, а тут еще и я с своею просьбою.

Сию и думаю, что-б мне написать Вам такое, чтобы уверить Вас, что это действительно я пишу Вам это. Я уже напоминал в одном письме некоторые случаи и разговоры Ваши, и теперь бы мне припомнить много случаев и много таких слов, которые были сказаны Вами: одного известных, когда Вы были у Крамского, то называли меня Малороссийским Дантом. А я и до сих пор не читал Данта (хотя и имею кой какое понятие о нем) и не могу ничего рассуждать, похож ли я на Данта. Много я за это время прочитал классических древних авторов, почти всех писателей греческих и Латинских (в переводах). Иного автора было много томов было – не оставлял, пока не прочитал до конца. Много нужно было усидчивости и терпения, чтоб читать про жизнь людей, которая непохожа на теперешнюю. Но до Данта еще не дошла у меня очередь, я только пока древних прочитал, а как даст Бог буду жив, так средних и новых прочитаю (каких не читал).

Теперь я завален другого рода работами и сильно, и много лет, как я над одним делом тружусь и полагаю, что оно еще не так скоро кончится: года через два, через три, – так я думаю. У меня есть большое собрание исторических и бытовых рассказов и преданий Малороссийских, записанных мною лично. Хотя собрание это и в настоящее время такое, что и по количеству, и по качеству, и по своему целому не было и нет ни одного собрания такого, как мое, но оно меня далеко неудовлетворяет. Я в детстве слышал такие рассказы и песни, которые никогда и нигде не были напечатаны и никому совершенно неизвестны из просвещенных людей. Длинные рассказы в стихах слышал и наизусть знал, относящиеся к периоду Киевского княжества, их и помину таких нету в печати. Когда у меня много уже было записанного, я вспомнил и о них; стал вспоминать чтоб записать, – оказалось, что забыл и помню только отрывки. Отыскал тех людей, от которых слышал я это, и они забыли те рассказы и стали припоминать, но с трудом, с большими пропусками, сбивчиво и не так красиво и гладко, как прежде. Значит каждую запись нужно несколько раз записать от одного и того-же и до тех пор, пока он яснее будет, припоминать. Кобзарские песни такие слышал, каких еще не было

APXIB

нигде напечатано, и в таком количестве, в каком небыли напечатаны, и по складу непохожие на те, что были напечатаны, и более старинные.

В последнее время я настолько занят затеями, что неудобно оставить их и поехать в Киев.

Теперь опять буду говорить про свои рисунки и этюды. Почему Вы мне их не возвращаете? Вы говорили, что это каприз больного. Вовсе это не каприз больного, а просто моя любовь к тому, над чем я трудился. Я думаю собрать мои работы, которые не очень во многих руках находятся (некоторые отдали их), и потом издать их так, как бы мне хотелось. С этюдов думаю впоследствии вновь написать другие снимки, усвоивши лучший колорит. Я своих работ не думаю продавать никогда и никому, а думаю впоследствии издать их, те, что красками, чтоб были красками напечатаны, а что карандашом, чтоб были карандашом. Для этого нужно, чтоб мои работы были при мне. Я очень за ними соскучился и хочу, чтоб они в [нерозбірливо] были со мною. Это единственное утешение в моей жизни.

Вы говорили, что хотели снять копии с этюдов и прислать мне копии. Мне копии не нужны, а мне нужны мои этюды.

Этюды были по Вашему распоряжению наклеены на холст (один из них) и натянуты на подрамники, и сделаны для них багеты. Стоимость багетов мне неизвестна – не приходилось заказывать их. Стоимость же Ваших хлопот и беспокойств около этого я не берусь оценить, чтоб не сделать ошибки... [sic]

Про себя я так думаю, что я не принадлежу к бедным неудачникам, а мне и до сего времени все Бог помогал в моих трудах, хотя трудно и было мне, и будет, а все таки думаю, что, кажется, сделаю свое дело, то что хотел сделать издавна, а если дело мое будет идти хорошим ходом, то, быть может, и я чем нибудь был бы для Вас бесполезен, то хотя-бы не безинтересен. Вам, быть может, покажется странным и ненужным то, что я говорю, а кто его знает, как оно будет. Льву казалось, что Мышь не может быть никогда ему полезна. Редко кому приходится так услужить, как Мышь Льву, но бывали подобные случаи, – и с чего-то он и басня такая произошла. Я не знаю, что Вы думаете, а Вы не знаете, что я думаю.

Я не могу предвидеть то, чтоб я мог оказать такую большую услугу, как Мышь Льву (что спасло его жизнь)³, но все таки могло бы случиться, что и я кой на что годен был бы.

Если будет охота, то напишите мне письмо и передайте или через мою маму, или по почте.

Адрес мой:

В г. Константиноград

(Полтавск. губ.)

Порфирию Денисовичу

Мartiновичу.

Если будете писать, то пишите заказным – не потеряется на почте.

Торопясь так, чтоб сегодня письмо пошло на почту, может, что нибудь и не так написал, то в том извините.

Остаюсь искренне уважающий Вас

Порфирий Мартинoвич

[Лист № 4 М. Мурашка до П. Мартинoвича. [Крим, 23 січня 1902; дату визначено за штемпелем на конверті. – О. С.]⁴]

Многоуважаемый и милый

Порфирий Денисович

Пишу Вам из Крыма. Об этюдах не будем толковать довго. Вони на ліцо і я написав сину в Киев, щоб він їх отдав тому, хто од Вас явитца с грішми 25 р. Это булоб для нас без

[ЛИСТУВАННЯ М. І. МУРАШКА І П. Д. МАРТИНОВИЧА]

хлопот укладки і пересилки. Жиланская улица, д. № 77. Евгений Николаевич Мурашко. Вот его полный адрес, по которому Вы можете обратиться к сыну и сговориться с ним в крайнем случае и о пересылке этюдов к Вам. Поспешите это сделать, потому что он 17 февраля оставляет Киев. Тогда уже как его упустите, то ждите меня, я на пасху буду в Киеве и вручу Вам и этюды, и рисунки.

Слава і хвала Богу, що Ви живі, і по письму видно, що живі і тілом, і духом.

А я отслужив вірою і правдою 32 роки, сложив оружје. Да теперь на покої. Хвала неведомому і не постижимому Господу, до живаю вік. Но карандаш, кисть і перо моя утіха і до сего дня. [Підкреслення, напевно, зроблено не М. Мурашком. – О. С.]

Мой Киевский адрес

Малая Житомирская, д. №14-й

Ваш Микола Мурашка

[**Лист № 5.** М. Мурашка до П. Мартиновича. [Буча, 16 липня 1902 р.; рік встановлено за штемпелем на конверті. – О. С.]⁵]

Юля 16 дня

Добродій і мій голубчик

Порфирій Денисович

Розбираючи уже своє добро у себя на дачі у своїй мастерской (яку мені Бог послав на старість і на радість), з превеликим удовольствієм побачив, що я в Музей Вашого не чого не отдавав. Таки Ваші письма в мою ростерянную голову добре запади. Ескіз, Міхей і другіє рисунки все, слава Богу, на ліцо, приезджайте в Киев в 4 часа дня беріть білет до Бучі [підкреслення М. Мурашка. – О. С.], у мене переночуєте і утром, як що Вам гостювати у мене дальше не пожелаеться, і уедете себе додому. Буду Вам душевно рад, як і всякому хорошому чоловіку, хто мене не забуває.

Ваш Н. Мурашко

[**Лист № 6** М. Мурашка до П. Мартиновича. [18 липня 1902 р.; рік встановлено за штемпелем на поштовій картці. – О. С.]]

Шість Ваших рисунков у Меня на лицо, приедете, и моя жена Вам их выдаст, а я, к сожалению, на три недели выеду и не буду дома, и буду дуже жалковать, если Вы надумаетесь сейчас приехать их забрать. Я Вас не побачу, а ми і так бачимось в 20 літ раз. Поступайте, як надумаетесь, рисунки получите сполна [підкреслення, вірогідно, зроблено не М. Мурашком. – О. С.].

Н. Мурашка

18 июля

[**Лист № 7** П. Мартиновича до М. Мурашка. Чернетка. (Константиноград, 10 квітня 1903 року)]

10 Апрелья 1903 года

г. Константиноград

Христос воскрес,

дорогой Николай Иванович!

Ще перед Праздниками збирався писать Вам, та за многими хлопотами неприйшлося написать, хотя і з мислі не виходило в мене написать Вам письмо.

АРХІВ

Я послав заказне письмо Вам не дуже давно, не по повному адресу тому, котрий був в Вашом письмі... [sic] Треба було писати Станція Буша по Києво Ковельской железной дороге, а я тільки написав станція Буча тай тільки... [sic] Хотя должно і так би дійти письмо... [sic] Бачу вину свою перед Вами, що неприйшло мені бути твердим в слові де в чому, но постараюсь при удобном случаї ісправить вину мою. Обищав був я Вам гостинець прислати, но мені тоді время було таке, що цілу зиму дуже сидівся, записував от одній старой [нерозбірливо] преданія старинні, боясь утерять случая, щоб неупустить дуже інтересних разказов. Цілу зиму просидів я почти в безвиходном труді... [sic]

Отискалась минута, і пишу Вам, дорогой и незабвенный Николай Иванович. Я кріпко журюсь за рисунок той, котрий один тільки із всіх рисунков остався не отданный Вами мені. Спасибо Вам велике, що Ви мали таке добре расположение до мене, що возвратили мені мої рисунки і етюди, за котрими я кріпко скорбив... Остався тільки один рисунок Дворян? [нерозбірливо] показує своєму [нерозбірливо] він між тими шістьма рисунками до лірника главніший, і жалію, і скачу я за ним більше, як за всіма рисунками... [sic]

Прошу Вас ізвестить мені в письмі, чи Ви взяли обратно цей рисунок от Варвари Миколаєвни гжи Ханенковой, як що цей рисунок Ви ще не взяли, то прошу Вас, возьміть непременно рисунок цей од неї. Вона Вам может возвратить його обратно, і для мене це велика радость буде, і не знаю, як і благодарен буду Вам, як що Ви мені мої всі труди, які були у Вас, отдасте, бо я собираю і сбиратиму все, де що находитьця іще не в мене.

Якщо Ви не взяли іще рисунка мого гжи Ханенковой, то прошу Вас, возьміть його од неї і ізвестить мене об цьому в письмі Вашому.

Як буду я в Києві, то буду у Вас, і Ви мені його отдасте. Тільки прошу Вас, напишіть мені по полученії мого письма.

Прошу передать от мене поклон і искреннее приветствіє Супруге Вашей і всему семейству Вашему.

Остаюсь с искреннім почтенієм і уваженієм, прошу, не забывайте всегда почитающего Вас

Порфирія Мартиновича.

Ожидая от Вас скорого отвита і прилагаю 2 почтовіє марки, прошу написать заказним письмом отвит, щоб незагубилось письмо Ваше.

Адрес мій: В Константиноград Полтавской губернии.

Порфирію Денисовичу Мартиновичу.

[Лист № 8 М. Мурашка до П. Мартиновича. [Київ, 6 травня 1903 року; дату встановлено за штемпелем на конверті. – О. С.]⁶

Воїстину Воскрес,
голубчик Порфирій Денисович

Горенько с тими панами. Теперь доподлінно вияснилось, що Ваш рисунок у них, і в принципі решили Вам его вернуть. Но по пробуйте добитися, щоб перекидать їх папки, куди попали всякіє мої сданніє їм рисунки, акварелі, гравюри і все таке, то їдять, то поїхали кудись, то їм не як не возможно, ніколи; і так дело і тягнеться. Я все здав уже на дуже хорошого чоловіка, на директора музея, Николая Федотовича Беляшевского; і він мені душевно обищав, що дело з рисунком він оборудує, і обищав мені, що в его уже се діло на мазі, що на сих днях син піде найде і сичас Вам дамо знак.

Так що тепер, як яка Вам не терплячка, то вже пишть прямо ему в Музей Киевский Городской Исторический Музей Г-ну Беляшевскому.

[ЛИСТУВАННЯ М. І. МУРАШКА І П. Д. МАРТИНОВИЧА]

Всі Ваши письма получив і дякую. Тільки заказних на Бучу трудно получать і слать їх відти не можно.

Ви мені марок стільки наслали, що я назад Вам вертаю.

Будьте здоровеньки.

Ваш Старий Микола

[Лист № 9 П. Мартиновича до М. Мурашка. Чернетка.
(Константиноград, 11 грудня 1903 року)]

11 декабря 1903 г.

г. Константиноград

Письмо это писано начерно 12 Августа, 10-го и 11-го Сентября 1903 года

Дорогой Николай Иванович!

Не знаю, как обдумать и как собраться с разумом написать письмо это, хотя прошло так много, много лет!.. Пишу это Вам я, Порфирий Мартинович, когда то известный Вашему папе Ивану Николаевичу и всему вашему семейству.

Все время после 1884 года, после того как был я в Петербурге, живу в Константинограде в Полтавской губернии. Здесь я все время трудился над собиранием образцов народных старинных преданий, рассказов, песен и всяких образцов народной словесности. Труд этот более чем двадцатилетний, забирал все почти время в жизни моей здесь... [sic] Начало же этому труду было еще раньше, т. е. в то время, когда жил я в Петербурге. Жил же здесь я все время по многим неблагоприятным обстоятельствам, большую часть всего этого времени безвыездно и даже почти безвыходно... [sic]

Никогда у меня из памяти не выходило то время, когда был я в Петербурге и когда всеми мыслями погружен был в то, чтобы научиться живописи, сколь разсудок мой мог бы совместить для того, чтобы после этим сослужить родине моей службу, такую, какую мог понимать я... [sic] К сожалению моему, которое и высказать трудно, все это вышло иначе... [sic] Здесь в продолжении девятнадцати лет только возможно было мне писать предания народные и рассказы. Рисовать же и писать красками невозможно было... [sic]

Все же то, над чем приходилось трудиться, когда был я учеником Академии Художеств, типы с натуры малороссийские и разные рисунки частью находится теперь у меня, частью было у разных лиц, из которых некоторые возвратили мне мои давние рисунки и этюды, так как я за ними невозможно скучаю и мучусь, когда припомню об них, а частью и до сих пор иные работы мои находятся у некоторых лиц... [sic] В последние лет пять я начал более усиленно собирать работы мои те, которые находятся в разных местах и у разных лиц. Давнее мое желание, чтобы издать все их вместе до одного рисунка и этюда... [sic] Эту мысль мою поддерживают мои прежние товарищи и знакомые.

Я сильно скучаю и никогда не забывал в течении почти двадцати лет о том, что у Ивана Николаевича находилась одна моя картинка или этюд – «Казенные ученические квартиры в Академии Художеств». Эта небольшая картина была на передвижной выставке и не была продана, и после выставки она была в амбарчике, где находились некоторые картины после передвижной выставки. Выставка передвижная тогда была в ведении Ивана Николаевича. Некоторые картины, которым хозяева или не оказывались на лицо, или по другим каким либо причинам не брали своих работ сейчас же после выставки, находились в амбарчике на противоположной стороне улицы против дома Елисеевых. Там я видел и мою картину «Казенные ученические квартиры в Академии Художеств». Иван Николаевич один раз ходил со мною туда и показывал мне там мою картину, она находилась между некоторыми картинами, оставшимся после передвижной выставки.

АРХІВ

За эту картину, или лучше сказать, за этим юношеским слабым опытом моим я не могу выразить, как скучаю, тревожусь и беспокоюсь о ней, тем более, что в течении стольких лет не приходилось слышать о том, находится ли она у вас, в семействе вашем между вещами Ивана Николаевича, или если не находится она у Вас, то где она в настоящее время находится и как ее можно отыскать.

Я давний должник Вашего папы, который в тяжелое для меня время оказал мне очень значительную помощь, о которой я никогда не забывал до сего времени, но к моему горькому сожалению, с тех пор как увезли меня полубольного из Петербурга, прожил я здесь все это время в таких материальных лишениях, что и высказать трудно... [sic] В последнее время за эти лет пять немного с этой стороны мне стало с одной стороны немного лучше, но на меня пали хозяйственные хлопоты и заботы, которые отнимают у меня большую часть времени от того труда моего записей народных преданий, на который пошло столько много лет. Мне не было никакой возможности уплатить Вашей маме то, что я должен Вашему папе, но всё таки скажу то, что при первой возможности уплачу все сполна, что должен я... [sic] Грустно мне, что жизнь моя сложилась так печально, но если хоть немного поправятся мои дела, то сочту величайшею для себя радостью и счастьем уплатить Вашей маме то, что я должен Ивану Николаевичу... [sic]

Прошу Вас, не могу высказать какую просьбу, известите меня в письме: находится ли у Вас в квартире Вашей моя картина «Казенные ученические квартиры в Академии Художеств»? Как бы я несказанно рад был, если она у Вас находится!.. Если же эта картина была куда либо передана, то, прошу, известите меня об этом письмом, где она теперь находится. Быть может, мама Ваша, Софья Николаевна, лучше помнит это и скажет Вам. Прошу передать от меня глубокоуважаемой Софье Николаевне мой поклон и искреннее душевное приветствие, и сестрице Вашей Софьи Ивановны, и брату Вашему Анатолию Ивановичу прошу передать поклон мой и душевное приветствие.

В этом заключается и вся моя просьба: усердно прошу Вас, сообщите мне о моей картине «Казенные квартиры для учеников Академии Художеств»: у Вас ли она находится где либо между Вашими вещами или, быть может, передана была куда либо. Если была передана, то куда именно и кому. Несказанно рад был бы я, если она у Вас находится и до сего времени!.. Прошу усердно, известите меня об этом. Прошу, известите меня заказным письмом. Прилагаю две марки почтовые. Боюсь, чтобы письмо Ваше не затерялось на почте, пишите, прошу Вас, заказным письмом.

Ожидаю от Вас с нетерпением ответа на письмо это. Я болею, когда вспоминаю об этой картине моей... [sic] Но все таки отчасти успокаивал потом себя, что у Ивана Николаевича всё в сохранности было, да и хотя если были перевероты в жизни, то глубокоуважаемая Софья Николаевна все таки в крайнем уже случае помнит, где находится эта картина, если она была куда либо отдана и если она не находится в данное время в каком либо складе между вещами Вашими. Как меня обрадовало бы известие, что эта картина находится у Вас! Если эта картина в раме, так как и была она в раме, то тогда по получении от Вас известия писал бы я Вам, каким образом прислать ее мне в Константиноград. Деньги на упаковку и посылку картины, конечно, вышлю.

Прошу, узнавши подробно все об этой картине, известите меня, за что буду несказанно Вам благодарен. Я уже давно собираюсь писать Вам и наконец пишу. Извините, если что неудобопонятно написано, потому что не знаю, какими словами писать и просить об этой картине, на которой слабо изображена та нужда, которую приходилось проживать мне и товарищам моим... [sic]

Ожидаю от Вас ответа на мою усердную просьбу. Остаюсь с искренним почтением и глубоким уважением.

Порфирий Мартинович.

Адрес мой следующий: в г. Константиноград

[ЛИСТУВАННЯ М. І. МУРАШКА І П. Д. МАРТИНОВИЧА]

(Полтавской губернии).
 Порфирию Денисовичу
 Мартиновичу.
 Это самый полный адрес мой.
 Боюсь ожидать от Вас грустного ответа; когда б радостный ответ! Не могу подумать,
 чтобы у Вас могла погибнуть моя эта картина. Буду ждать благополучного ответа.
 С искренним душевным почтением
 Порфирий Мартинович

[Лист № 10 П. Мартиновича до М. Мурашка. Чернетка.
 (Константиноград, 13 жовтня 1903 року)]

13 Октября 1903 г.
 г. Константиноград

Дорогой Николай Иванович!

Давно собираюсь написать Вам, но были разні [в оригіналі пропуск тексту. – О. С.], і прийшлося, к сожалінію, так довго не написати о моїй просьбі относительно недостающего одного рисунка до «Лірника».

Мені Николай Федотович Беляшевский писав іще 31-го Іюля, зараз по приїзді його із за границі, що нема рисунка цього мого у городському музеї, Терещенко і Ханенко из'явили согласіє на передачу мені мого рисунка, но Ханенко часто буває в отлучках, і потому Николай Федотович не мог уместити з ним розібратися в груді рисунків, і як що дійствительно рисунок цей находитьца в папках, полученных од Вас, то рисунок цей буде мені доставлений. І що вже картини, которі були в рисовальній школі преобретени Терещенком і в Музей не поступали, і находятся вони [нерозбірливо].

Після того я писав Николаю Федотовичу два письма, но отвіта не получил.

Недавно в Полтаві просили мене дати для того, щоб напечатать гарно фототипією ци рисунок до Лірника; я з радістю дав би, ну вони розрізнені; одного рисунка і главнішого немає. Грошей за це изданіє ніяких мені не дали б; добре було б хоть би напечатали добре, хоть би память була б.

Прошу Вас, дорогой Николай Иванович, зробіть таке велике для мене добре діло: поспособствуйте, щоб рисунок мій розшукати скоріше і получить мені для того, щоб напечатати. Не дуже давно напечатали фототипією давні мої рисунки до Енеїди Котляревського і напечатали порядочно. [Також] [sic] просять мене, щоб я дав і ци рисунки до Лірника напечатати фототипією. Ну яке моє горе і стісненіє душевне, що не могу дати їх для напечатанія, потому що розрізнені вони. Це ж я про цей рисунок прошу, що швидко за двор... [нерозбірливо] дулю дає [нерозбірливо].

Я не могу виразити, яке для мене добре діло Ви цим зробіте. Ускорити мені находку і скорое возвращеніє мого цього рисунка; я душевно болюю, як здумаю за цей рисунок. Ви цим облегчите мою печаль велику і зробіте для мене, не могу сказати і виразити, яке добре діло.

Як приїду в Київ, то без сала до Вас не приїду у Бучу і привезу сала чималенько, і слово своє здержу, ну тільки горенько із зараз оце приїхати мені неудобно.

Моя просьба к Вам в том, що Вам удобніше розшукати рисунок цей [нерозбірливо] Николаю Федотовичу. Ви його скоріше можете найти, прошу Вас усердно, зробіть мені цю находку в скором времені і по полученіі мого цього письма, прошу Вас, известити мене в скорому времені.

Прошу передать супруге Вашей і сімейству Вашему моє усердное привітствіє і искренне почтеніє, і поклон.

АРХІВ

Желаю Вам помніть на світі іще немало і, Боже дасть, побачити те, що найдужче просите у доброї судьби. Будьте здорові і благополучні. Іскренно желаю, щоб усе було добре. Остаюсь іскренно почитающій і уважающій Вас
Порфирий Мартинович.
Адрес мой: [sic] [На лівому полі листа нерозбірливий текст. – О. С.]

[Лист № 11 М. Мурашка до П. Мартиновича. (Буча, 10 жовтня 1904 року) ^{7]}

Добродий Порфирий Денисович

Правду говорят москали:

За чем пойдешь,
то и найдешь.

Захотели собрать свои работы и настойчиво захотели. Конечно Вы их соберете. Рисунок, де мужик дулю сует, наверное, есть, есть, есть, есть. Но где? В данную минуту решительно не могу сказать.

Я переїхав на свій хутор. Жужмом все зложив і не як не розберусь, і рисунок мені не попадається.

А коли не попадається, значить, Він попав у Музей.

І от сей час Ви мене хоть роздеріть – нічого Вам не скажу.

Рисунок, ясно его бачу перед своїми очами. Він із меньше законченних.

Но Він або в Музеї,
або в мене,
або в мене,
або в Музеї.

Но так як у мене не попадається, то значить – у Музеї.

І от жінці моєї показується, що в первий портхвелі, яку я згриб і одніс Варварі Николовній г-жи Ханенко. Там були рисунки: Васильев, Ге, Крамской туди попав і Ваш.

Но рисунок, как видите, есть, и Вы его получите. Маленькое терпение, и всё разрешится в желательном виде.

За тим Вам дякувати дуже дуже, а сала не цураємось. Будьте здоровеньки і не журитця. Ваш Ник. Ів. Мурашко.

Киев.

Житомирск. №14.

Можн[о] и так:

Буча. Мурашко.

С 15-го уже у нас на хуторі і поштовий ящик буде, і все.

Додаток

[Лист І. Репіна до П. Мартиновича. (11 жовтня 1998 року) ^{8]}

Многоуважаемый
Порфирий Денисович

После разговора с Вашей матушкой здесь я спрашивал об ее деле у очень компетентного лица, можно ли что для нее сделать. Лицо ответило весьма серьезным отрицанием. А потому, при всем моем желании быть полезным Вам – не имею возможности.

С полным уважением к Вам И. Репин

11 окт. 98 г.

[ЛИСТУВАННЯ М. І. МУРАШКА І П. Д. МАРТИНОВИЧА]

Примітки

¹ На конверті напис: «Его Высокородию Николаю Ивановичу Мурашко (от Порфирия Мартиновича)».

² Іван Федорович Селезньов (1856–1936) – живописець, рисувальник, викладач.

³ Напевно, мається на увазі байка Езопа в переказі Льва Толстого «Лев і Миша». Зміст такий. Лев спав. Миша пробігла йому по тілу. Він прокинувся й упіймав її. Миша стала просити, щоб він відпустив її; вона сказала: «Якщо ти мене пустиш, і я тобі добро зроблю». Лев засміявся, що Миша обіцяє йому добро зробити, і випустив її. Потім мисливці упіймали Лева і прив'язали мотузкою до дерева. Миша почула левовий рев, прибігла, перегризла мотузку і сказала: «Пам'ятаєш, ти сміявся, не думав, щоб я могла тобі добро зробити, а тепер бачиш, – буває і від миші добро».

⁴ На конверті зазначені такі адреси і штемпелі: «Полтавской губер. / Гор. Константиноградъ / Его Благородію / Порфирию Діонисіевичу / Г-ну Мартиновичу». Поштові штемпелі: 1. «Ялта Таврич. 23.I.1902»; 2. «Константиноградъ Полтав. г. 27.I.1902».

⁵ На конверті зазначені такі адреси і штемпеля: «Въ гор. Константиноградъ / Полтавской губернии / Его Высоко Благородію / Порфирию Денисовичу / Гну Мартиновичу». Поштові штемпелі: 1. «Кіевъ 18 VII 1902»; 2. «Константиноградъ Полтав. г. 19. VII 1902».

⁶ На конверті зазначені такі адреси і штемпелі: «Въ г. Константиноградъ / Полтавск. Губер. / Порфирию Денисовичу / Г. Мартиновичу / Кіевъ Н. Мурашко». Поштові штампи: 1. «Кіев 6 V 1903»; 2. «Константиноград 7.V.1903».

⁷ На конверті зазначені такі адреси і штемпелі: «Въ Константиноградъ. / (Полтавск. Губер.) / Его Высоко Благородію / Порфирию Денисовичу / Г-ну Мартиновичу. / Кіевъ. Мал. Житомирск. / Д № 14 отъ Ник. Ив. Мурашко». Поштовий штамп: «10.X.1904» [вдалося розібрати тільки цей напис. – О. С.]

⁸ На конверті зазначені такі адреси і штемпелі: «Заказное 137 4/П Константиноградъ / Полтавск. губ. / от И. Репина. Академия Художествъ». Поштові штемпелі: 1. «С.Петербургъ 12 окт. 1898»; 2. «Константиноградъ 14.X.1898» [9].

SUMMARY

The article is dedicated to the publication of the letters, exactly the recreation of the dialogue between such outstanding figures for Ukrainian culture and art as Mykola Ivanovych Murashko (1844–1909) and Porfyriy Denysovych Martynovych (1856–1933). They are the fellow champions. Their activities are considered as an example of sacrificial love for everything Ukrainian, serving to the native people, the glorification of original centuries-old cultural heritage, giftedness and uniqueness.

The main leitmotif of the correspondence between Mykola Murashko and Porfyriy Martynovych, suggested for the publication, is the collection of his own works by Martynovych which he has presented or executed on order or left as a pledge, taking money in debt, etc.

We have learnt from the contents of the correspondence between Mykola Murashko and Porfyriy Martynovych that Martynovych has given two of his studies and six drawings to the art collection of M. Murashko Drawing School, who has returned him almost all his works. P. Martynovych is well acquainted with M. Murashko parents. It is a new interesting fact.

The letters of Murashko and Martynovych are kept in the Archival Scientific Funds of Manuscripts and Records of M. Rylsky Institute for Art Studies, Folkloristic and Ethnology, Ukrainian National Academy of Sciences, in the fund of P. Martynovych. Taking into consideration that only five Murashko letters of 1902–1904 are preserved, the authoress of the article has selected P. Martynovych letters of different years, starting from the 1890s with the aim of the dialogue reconstruction between them. We are successful to reproduce the dialogue only partly because the letters of the 1890s are not preserved. However, the informational content and new biographical details of both artists in the letters deserve the scientists attention.

The texts are published with the preservation of the author stylistics, in modern spelling, punctuation with minor editorial correctings.

Keywords: Mykola Murashko, Porfyriy Martynovych, epistolary heritage.

Підготовка до друку та коментарі О. Сторчай